

Часть первая

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

*Бежит на юг, поворачивает на север,
Кружит, кружит на бегу своем ветер,
И на круги свои возвращается ветер...*

Екклесиаст, гл. 1, стрф. 6

ГЛАВА I

Рим. Вечный Рим. Рим, куда ведут все дороги.

В том месте, где проулок дель Гротте выходит на площадь Цветущее Поле, в скромной, но приличной гостинице остановились две молодые женщины.

Красивая и знатная, судя по манерам, дама в синем платье и ее закутанная в белое арабское покрывало камеристка. Они были без свиты и дорожных сундуков.

Ну и что? Веселый город Рим видел на своих улицах и не таких гостей...

Путешественницы разместились в отведенной комнате на последнем этаже и теперь каждое утро садились у высоких полу-круглых окон. Дама в синем вышивала, девица в платье цвета дубовой коры просто глазела по сторонам...

* * *

...Жаккетта смотрела из окна скромной гостиницы на мириады куполов, колоколен и крыш. Город, конечно, поражал воображение,

но с другой стороны казался чересчур настоящим. Реальная грязь на улицах, много разрушенных зданий. Разве таким должен быть город с титулом Вечный?

На самом-то деле Жаккетте просто не верилось, что она сейчас находится в том же самом месте, где живет наместник Бога на земле. В самом обычном, хоть и необычном городе. Неужели он тоже может смотреть сейчас из окна и видеть то же самое, что видит и она, Жаккетта? Странно и чудно...

Это был тот редкий случай, когда Жаккетта бездельничала, а Жанна работала в поте лица. Она спешно заканчивала вышивать лик Девы Марии, намереваясь поднести его Папе Римскому на аудиенции, которой еще надо было добиться.

В Риме они были уже третий день...

* * *

Путешествие от Родоса до Италии оказалось прямым и спокойным.

Словно какая-то сила, одобряя принятое Жанной на крепостной стене Родоса решение, протянула невидимую путеводную нить до Рима, по которой они без приключений добрались до Вечного города.

Жанна размышляла.

Такое, казалось бы, нехитрое дело, начатое в Триполи, в доме черного евнуха, чтобы не так скучно тянулись дни осады, — вышить разноцветной шерстью кусочек полотна, — постепенно вылилось в сложное, грандиозное дело, потребовавшее колоссальных затрат умственной энергии.

А все почему?

Потому что только глупцы дарят Папе Римскому что-то просто так.

Люди разумные подносят дар, который ненавязчиво, но постоянно напоминал бы о дарителе.

Иначе зачем тратиться на подарок? У наместника Бога на земле и так все есть...

Примерно такие мысли витали в голове Жанны, когда она заканчивала покрывало Святой Девы.

Ради такого великого замысла пришлось потратиться на большие прямоугольные пяльцы. Умелец одной из лавочек поблизости туго и равномерно натянул на них ткань.

Маленькие пяльцы из дома нубийца Жанна тут же отдала Жаккетте, всей душой веря, что после этого титанического труда больше в своей жизни ни одной строчки не сделает.

В новых пяльцах вид у дамского рукоделия стал весьма внушительным. Жанна даже удивилась, насколько хорошо все получилось. Монашенки, наставницы монастыря Святой Урсулы, воспитывавшие капризную наследницу графства де Монпезá, умели учить даже вопреки желаниям учениц.

Фигура Девы была готова. Оставалось решить, как увековечить себя.

Жаль, что ни времени, ни свободного места на полотне не оставалось для трогательной картинки «Видение Пречистой Заступницы графине де Монпеза, несчастной узнице свирепого султана».

Просто сердце кровью обливается, когда подумаешь, как бы мило все смотрелось! Увы, придется обозначить свое присутствие лишь гербом и девизом, труд тоже немаленький.

Жанна вздохнула и принялась вдевать новую нить.

Сначала, в первый день, она попыталась было приставить к вышиванию и Жаккетту, но та в кои-то веки сумела сообразить, что бывают вещи, которые лучше не знать и не уметь. Разоблачить мерзавку Жанне не удалось, пришлось все делать самой.

Герб славного рода де Монпезá... Как там его блазонировали¹? «В поле небесного цвета серебряный единорог».

Как же все хорошо друг к другу подходит:

небесно-голубой цвет — символ целомудрия, честности, верности и безупречности;

серебро из добродетелей означает чистоту, надежду, невинность и правдивость, а из мирских свойств — благородство, откровенность, белизну;

¹ Блазонировать — то есть описывать герб; слово произошло от обязанности герольдов при турнирах описывать герб, проверять и записывать дворянские права рыцарей.

единорог же вообще самый выразительный символ силы, чистоты и целомудрия.

Не герб — картинка!

И что самое приятное, все эти качества просто букетом собрались в ней, Жанне, даже странно, что все так сошлось!

Жанна растроганно вздохнула и принялась намечивать контур герба.

«Удобно, что женщинам не надо изображать тарч, можно ограничиться одним ромбом, да и шлем вышивать не придется¹. Хотя, с другой стороны, обидно — половина красоты герба теряется. Несправедливо это.

Надо еще подумать, каким образом герб покойного мужа присоединить. Можно просто присоединить его к отцовскому гербу с правой стороны.

Можно поместить его в рассеченный щит на правую половину, а можно вышить герб герцога де Барруа поверх отцовского герба в центре, в маленьком ромбе. Но не хочется единорога портить.

Вышью отдельным гербом справа».

И Жанна рядом с ромбом решительно наметила треугольник. Но бывают моменты, когда решительность ни к чему. Игла уколола палец.

Жанна ойкнула и бросила шитье. Торжественного настроения как не бывало. Опять забурлила злость на камеристку — ну где это видано, чтобы девица из деревни не умела вышивать?

— Жаккетта! — прижимая к пальцу платок, резко сказала Жанна. — Объясни мне, будь так добра, чем ты занималась дома до того, как попала в замок?

Жаккетта сразу поняла, что госпоже опять нейдет приобщить ее к вышиванию, поэтому она осторожно ответила:

¹ Тарч — треугольный щит, наиболее часто употреблявшийся в XIV—XV вв. во Франции для изображения герба. Но женские гербы помещались не на тарче, а в ромбе или овале. Кроме этого, поскольку щит и шлем — принадлежность человека военного, гербы дам шлемами не увенчивались.

— Родителям по хозяйству помогала.

— И в чем заключалась твоя помощь? — вкрадчиво спросила Жанна.

— Дом убирала, с братьями нянчилась, в коровнике да в курятнике работала... — на всякий случай не стала врать Жаккетта.

Жанна поморщилась.

— Неужели ты ни разу иголки в руках не держала?

— Нет! — раскрыв пошире глаза, сказала Жаккетта. — У нас платья старшая сестра штопала. Мне и некогда было — в коровнике вечно дел невпроворот!

— Я очень удивляюсь выбору моей матушки! — в сердцах бросила Жанна. — И как это она тебя в коровнике разглядела? Нашла место, где горничную единственной дочери брать!

— Госпожа Изабелла меня не в коровнике разглядела! — обиделась Жаккетта. — Она меня на празднике святого Жака заметила, я ей на подол наступила. Случайно...

— Ну-у, теперь я ничему не удивляюсь. Матушка взяла тебя с тайной надеждой, что ты и у меня по шлейфу гулять станешь, как по площади! — фыркнула Жанна. — Ей почему-то не нравились фасоны и расцветки моих платьев. Завидовала, я так думаю!

Боль в пальце утихла, Жанна успокоилась и опять принялась за вышивку.

Пробивала острая игла полотно. День клонился к вечеру.

Жанна думала, что уже завтра надо идти в папскую канцелярию. А страшно. Страшно идти, но и бежать некуда...

Жаккетта продолжала смотреть на необъятный, по ее меркам, город.

«Вот ты какой, Рим! — удивлялась она. — Ты здесь, и я здесь, вот странно! И куда только судьба не забросит!»

Жанна затянула последний узелок. Вышитое полотно было готово.

— Завтра с утра мы идем в канцелярию! — громко и резко сказала она, прогоняя свои страхи. — И сделай милость, отлепись наконец от окна!